

Ольга Брюс

Полночь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Брюс

Полночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68918325

SelfPub; 2023

Аннотация

Лена вышла замуж по любви и моментально попала в рабство свекрови, которая возненавидела её из-за наличия ребёнка. Свекровь искусно плела интриги, обучая сына, как нужно воспитывать жену, чтобы та была покорной и не прекословила. Родив второго ребёнка, Лена узнала страшную тайну, связанную с ней и её семьёй.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Брюс

Полночь

Глава 1

– Тс-с-с, спи, папка пьяный пришёл. Закрывай глазки и притворись, будто спишь.

– Я не хочу спать, я к маме хочу.

– Туда нельзя. Папка сейчас маму будет воспитывать, а ты спи.

Василий сидел на диване перед телевизором в одних семейных трусах и громко ржал, отвратительно почёсывая промежность и вытирая сопли этой же рукой, которая только что блудила между его ног. После рука с соплями проносилась над головой его жены Лены и опускалась за спинку дивана. Ловкое движение вниз-вверх позволяло зелёной жиже повиснуть на мягкой обивке, и Игорь внезапно обретал внутреннее удовлетворение, испачкав мебель и зная, что его белобрысая курица чуть позже возьмёт тряпку, отодвинет диван и вымоет болотную слизь. Лена сидела рядом, потому что так хотел её муж, от которого несло тухлым мясом вперемешку с кислым молоком – так пах вчерашний перегар, дополненный пачкой папирос и свежим пивом «Жигулёвское»,

подаренное соседом Петькой за распиленные несколько берёзовых брёвен, приготовленных для растопки русской печи.

На часах 17:53, пора готовиться к уходу властного мужа, мыть его харчки на полу, двигать диван, готовить ужин и кормить домашнюю скотину, которая нужна только Лене, малолетним дочкам и коту Барсику, любящему свежее молочко и серых мышек в сарае, притаившихся в соломе. Поднимаясь с дивана, Лена не смогла сдвинуться с места, потому что Вася схватил её за подол халата и направил ужасающий взгляд прямо в спину. Чувствуя, как нетрезвые глаза сверлят между лопаток, Лена обернулась.

– Когда вернусь, чтобы дома была. Поняла? – хрипловатый голос вонзился в левое ухо, и Лена кивнула головой.

Отпустив ткань, Вася весело шлёпнул ладонью по мягкой обивке и улыбнулся клоуну, кривляющемуся на голубом экране. Выходя из комнаты, Лена тяжело вздохнула:

– Опять напьётся. Он всегда напивается, когда весёлый... А весёлый он почти каждый день.

Вытащив из навесной полки большую кастрюлю, женщина собралась чистить картофель, чтобы сварить щи, но вспомнила, что обещала детям гороховый суп.

– Надо было в ночь залить горох водой, – понимая, что горох не размякнет за пару часов, она всё же пошла в сени за кочаном капусты.

Дети, Катя и Люда, сидели в своей крохотной комнате и играли в «дочки-матери», тихо так, чтобы папку не беспо-

коить. Он не любит, когда в доме шумят. Лучше переговариваться шёпотом, чтобы ему не мешать, а ещё лучше молчать, тогда папка не прибежит и не будет кричать, дабы все заткнулись.

– А вот и я-а-а! – задорный мужской голос донёсся из телевизора, и мужчина в клоунском облики растопырил ноги и слегка присел, разведя при этом руки.

– Аха-ха-ха! – захлёбываясь истерическим смехом, Вася несколько раз ударил диван и замотал головой, пытаясь не задохнуться.

Вдруг он замолчал и посмотрел на часы с кукушкой. Ровно шесть. Шесть вечера. Потянувшись, Вася зевнул, открыв рот до ушей, и вытер большими пальцами проступившие слёзы. Вновь пошурудил рукой в стареньких трико и выключил телевизор.

– Можно мы мультики посмотрим? – старшая дочь Катя приоткрыла дверь, услышав, как в большой комнате стало тихо.

– Телевизор детям не игрушка, – строго сказал отец и дал команду скрыться. – Брысь!

Втянув губы, Катя закрыла дверь.

– Ленка!

– Не кричи, я здесь, – поставив разделочную доску на стол, Лена положила на неё промёрзший кочан.

– Где мои штаны, тёплые? – прислонившись к кирпичной кладке, Вася оценил тело жены чуть пониже спины. – Надо

к Петру сходить. Он мне кое-что обещал.

– Может хватит пить, а? Вась. Ты уже неделю не просыхаешь? – бросив на мужа жалостливый взор, Лена достала из ящика стола нож.

– Не твоё дело. Дай мне штаны, и я пошёл, – издевательски цокнув языком, Вася плюхнулся на лавку и ещё раз потянулся.

Лена отодвинула шторку и протянула руку над печкой. Штаны ещё не просохли, потому что вчера кое-кто валялся на снегу под забором.

– Мокрые, – предупредила она, вернувшись к столу.

– Высушить не могла? И как я теперь пойду? На улице мороз под тридцать! – разозлился Вася, пронзая жену прищуренным взглядом. – Да что ты за жена? У других вон как шёлковые: только муж на выход, и валенки поднесут и телогрейку!

Лена молчала. Стоит только открыть рот, чтобы возразить, Василий сразу пустит в ход кулаки.

– У-у, ни рыба ни мясо, – проворчал Вася, оскалившись и помахав в воздухе кулачищем. Решив надеть пару трико, чтобы не замёрзнуть, он залез в шкаф и случайно нашёл конверт без обратного адреса. Вынув письмо, бегло прочитал. Брови Васи сошлись у переносицы, глаза сузились до щёлочек, ноздри раздулись. Письмо моментально приобрело форму измятого шара.

– Откуда? – зарычал взбудораженный содержимым пись-

ма Вася. – Когда ты его получила? Я тебя предупреждал?

Подскочив к жене, Вася встал прямо за спиной и бросил конверт и подобие снежного кома на стол.

– Я предупреждал, я спрашиваю? – его тяжёлое дыхание отражалось от шеи Лены и опускалось ниже, по спине, вызывая неприятные мурашки. – Чего молчишь? – жёсткий голос вонзался в голову, как звон огромного колокола, заставляя Лену волноваться. – Вижу, хороших слов ты не понимаешь!

Вцепившись в белокурые локоны, Вася оттянул голову жены назад и занёс кулак над её лицом.

Лена зажмурилась в ожидании удара, но Вася медлил.

– Ты оглохла? – звериный рык пронёсся рядом с ухом. – Я же сказал, чтобы никаких Машек-Глашек.

Сжимая волосы, он так сильно оттянул кожу головы, что у Лены брызнули слёзы. Она молчала, чтобы не злить мужа и не напугать детей. От Васьки несло отвратительным перегаром и кислым запахом немытого тела. Мерзкий, гнусный, блистающий превосходством над слабой женщиной, Иванов наслаждался властью и беспрекословным повиновением, унижая собственную жену.

– Тебе мало, да? – Вася терпеливо ждал, когда Елена начнёт молить о пощаде.

Реплика грозного Отелло неожиданно оборвалась, когда в хату вошла седовласая женщина с огромным свёртком в руках. Василий мгновенно отпустил волосы несчастной жены и спрятал руки за спину.

– А вот и мама пришла! – радостно воскликнул он и тут же похвалил жену. – Лен, ты не спеши, не дай бог порежешься.

Прильнув к матери, Вася приобнял её и сразу получил порцию материнских поцелуев.

– Держи, это тебе, – Александра Константиновна сунула сыну подарок и, не снимая валенок, села за стол. – Чем потчевать будете? – искоса взглянула на невестку. Приметив, что у той глаза на мокром месте, сделала дерзкое замечание. – У тебя мужик в доме, а ты слёзы льёшь. Радоваться надо, таких, как мой Васенька днём с огнём не сыщешь. Четвёртый годок живёте, а я всё как не приду, ты не в себе.

Слушая упрёки свекрови, Лена сжимала нож в руке и смотрела на занавески, всеми силами сдерживая слёзы.

– И молод, и красив, – лепетала Константиновна, выгибаясь назад, чтобы было видно сына, как он меряет новые штаны. – Руки из нужного места растут. Его в нашей деревне ужас, как любят. Ну выпивает слегонца, а кто ж не пьёт? Пока молодой, пусть жизни радуется, – выдохнув, женщина полюбовалась обновкой, которая отлично смотрелась на Ваське. Как влитая. – За ним столько девок местных носилось. И не местных тоже. А он, вишь, за тобой приударил.

Александра с презрением оглядела молчаливую невестку и сжала губы.

– А? Мам, ну как? – Вася застегнул ширинку и вышел продемонстрировать утеплённые шаровары. – Вещь! – поднял большой палец, чмокнул в благодарность мать и сказал, что

уходит к Петьке.

– Весь в делах, весь в заботах, – умилялась свекровь, наблюдая, как Васенька одевается. – Самый, что ни на есть, самородок.

Вася, упиваясь мамашкиной похвалой, кивал, натягивал валенки и спешил испариться. Там ведь Петька ждёт, с горяченьким. Лена продолжала стоять, как столб.

– Васенька, зашёл бы к нам на часок. Отцу помощь нужна. Там дров навезли, поколоть бы, – пролепетала мать детским голоском. – Ему одному несподручно. С суставами мается.

– Мам, не сегодня. Видишь, я занят, – застёгивая телогрейку одной рукой, другой Вася тянулся за шапкой.

– Ну да, ну да. Понимаю. Тебе тоже отдыхать надо. А то смолоду здоровье покалечишь, а к старости будешь, как твой батька, – согласилась Константиновна.

Вася надел шапку и вышел в сени. Когда хлопнула вторая дверь, свекровь сменила тон.

– Ну? Чего стоишь, будто в пол выросла? Что на ужин сыну моему готовишь? – обведя хмурым взглядом стол, она тронула пальцем кочан капусты, который успел чуток подтаять, и рассердилась. – Лучше б мяса ему положила. Жареного. Мужиков, как быков кормить надо, а ты ему травы пихаешь. Он тебе что, козёл? Как не приду, то картошка, то капуста. Ты его заморить голодом решила?

– Мясо будет в супе, – прошептала в ответ Лена, глядя на занавеску.

– В супе? А может ты ему ещё и на пару приготовишь? Жарь, сказала! Мой сын на телятах да поросятах взращённый, а ты его желудок до ручки доведёшь. – лицо свекрови перекосилось от недовольства. Заметив, что в доме тихо, она решила узнать о внучке. – А где моя Людочка? Куда ты её подевала?

– В комнате. Играют, – выдохнула Лена и принялась расправляться с кочаном.

– Играют, – с сарказмом повторила Константиновна. – Если бы не мой Васенька, то твоей Катьке и играть бы не с кем было. Ох, как вспомню, когда он тебя привёл и о свадьбе объявил, чуть не померла с позору. И где твоя девичья честь блуждала? А вот теперь, девонька, молись на него, молись и в ножки кланяйся. Взял тебя с приблудой, так ты должна почитать Василия Игнатовича, как... – взглянув на икону, стоящую в красном углу, женщина перекрестилась, – прости Господи, как ангела-хранителя.

Нож завис над капустой, и Елена прикусила язык. До боли. Чтобы не сказать лишнего, иначе свекровь-хамка доложит вспыльчивому сыну, и тот отлупит до потери сознания.

Такое уже случалось. Вася, после мелкой ссоры между Константиновной и Леной, вернулся с женой домой, закрыл дверь на крючок и прямо в сенях изуродовал молодую женщину. Бил нещадно ногами по животу и приговаривал, чтобы Лена не смела повышать голос на его любимую мамочку. Случилось это буквально через три месяца после свадьбы.

Лена тогда ещё не знала, что она в положении. Удивительно, как ещё ребёнок сохранился? Закончив воспитывать жену, Вася ушёл в дом, допил остатки водки и свалил к соседу, хвалиться своими «достижениями». Петя шутливо поддержал друга, мол, правильно делаешь, баб надо учить уважать мать мужа, а то они становятся нахальными и тогда берутся за мужиков, пытаются управлять ими, как скотом. Петя был точной копией Васьки. Он тоже иногда гонял свою толстуху, но та могла и отпор дать, замахнувшись увесистым кулаком, но Петя, приняв на грудь львиную долю спиртного, набирался смелости и шёл в бой, не боясь остаться без зубов. Так и живут Петя с Клавкой: дерутся, а потом мирятся. Бездетные, чуть постарше семьи Ивановых, держатся друг за дружку, потому что любят с самого детства.

Когда Лена пришла в себя, вползла в дом и забрала годовалую Катю, то первым делом бросилась к соседям, чтобы дать Ваське проспаться, а не испытывать судьбу. Она не заметила его отсутствие и уж тем более не ожидала столкнуться с ним в доме Клавы. Вася начал кричать, когда увидел Лену на пороге, но его неистовый ор заглушила Клава, предупредив: если Иванов ещё раз осмелится замахнуться на жену, то будет иметь дело с Клавдией Алексеевной, а она-то и не таких ломала да в больничку отправляла. Забрав Лену и её дочь в комнату, Клава ещё раз пригрозила Ваське, попутно припугнула мужа, чтобы не ставил больше водки на стол, и повела воспитательную беседу с Леной.

– И пойти-то мне некуда, – плакала избитая женщина, прижимая к груди полусонную дочь.

– А к мамке? – Клава складывала выстиранное бельё в шкаф и давала ненужные советы.

– Не могу я, – всхлипывала Лена, представляя, как «обрадуется» мать её возвращению. – Там батька пил, гонял нас по двору. Потом он умер. Мама быстро замену ему нашла. Привела в дом из соседней деревни Стёпку. Клав, я не знаю, куда она смотрела и о чём думала, но он моложе её почти на десять лет. Естественно, пьющий. Почему она с такими судьбу свою связывает, а? Неужели не существует нормальных мужиков?

– А сама-то? И вообще, каким боком вы встретились? Я никогда не спрашивала, знаю, что ты неместная, но скажи, что ты в нём нашла? Васька всегда выделялся среди наших парней. Да, он красив, да, фигурка – что надо, но от его характера так воротит, что я б никогда с ним под венец не пошла. Выпендривается, кривляется, цену себе набивает. А Александра Константиновна? О-о, язва ещё та. Чуть что, бежала с разборками, орала, как курица на нашесте: кудахчет, а на рожон не лезет. Ой, как вспомню, любила она пугать и милицией, и вышестоящим начальством. И как тебя угораздило вляпаться в змеиную семейку?

– Старо, как мир, – вытерев слёзы, Лена начала свой короткий рассказ о себе. – Приехали в наш клуб с компанией ребят. Вот там и познакомились.

– В Сосновку?

– Да. Он мне сразу приглянулся... – опустив глаза, женщина пробурчала, – а, может быть, от безысходности я на него запала.

– В смысле? – присев рядом, Клава наострила уши.

– Деваться мне было некуда. Да и сейчас нет у меня того места, куда бы я могла уехать. – лепетала себе под нос Лена, сторя со стыда.

– Подожди, а мама? Почему тебе к ней не уехать? Послушай, Лен. Если дальше так пойдёт, прийдёт тебя Васька. И мамка его не поможет. Она ж верит каждому его слову. Однажды он чужой велосипед утопил, так Константиновна такого шороху навела, что чуть до суда не дошло.

– Вот именно, свекровь меня изначально ненавидит. Как только узнала, что у меня ребёнок есть, сразу встала в позу.

– А дитё чем ей помешало? Это ж не бочка с огурцами, а живой человек.

– Клава, я никогда никому не рассказывала, но тебе скажу, только ты... – Лена подняла глаза и с жалостью посмотрела на соседку. Та чуть сама не зарыдала, когда увидела, сколько боли таится в этом печальном взгляде.

– Я – могила, Леночка. Ты можешь выложить мне всё, что угодно, – прошептала она в ответ и втянула губы.

– Я никогда не была замужем, и Катя... Катя... – подавляя в душе порывы закричать, Лена смогла рассказать страшную тайну, которую никому не рассказывала. – Она не плод люб-

ви, не нагульная. Катя – дочь моего отчима.

Глаза Клавки выпрыгнули из глазниц, прилепились ко лбу и вновь вернулись в исходное положение. Её массивная нижняя челюсть с лёгкостью дотянулась до масштабной груди и отпружинила обратно. В горле своя свистопляска: гланды сошлись ровно посередине, потёрлись друг о дружку и так и остались висеть над входом в пищевод, перекрывая дыхательные пути. Клава впала в ступор. Надолго. Секунд на пятнадцать.

– А теперь дай мне продышаться, – захрипела она, стуча кулаком чуть пониже шеи. – Я такое только в ... Да вообще нигде не видела и не слышала. Это что ж получается, ты с ним... это... А потом... Катька родилась?

– Я не это, – Лена вынула из кармана платя носовой платок. – Это он, а не я.

– Ой, божечки мои, меня сейчас наизнанку вывернет, – запричитала ошалевшая от безумной новости соседка, представив отвратительную картину и обмахивая всей пятернёй покрасневшее лицо. – Насильно?

– Угу, – и Лена опустила голову.

– Падла, – прошипела в сторону входа Клава, шпионя, чтобы никто из мужиков не вошёл в комнату или, не дай бог, не подслушал. – Я бы его взяла за причинное место и оторвала, прямо с мозгами, – сжав толстый кулак, женщина стиснула зубы.

Поглаживая спящую дочь по головке, Лена начала пока-

чиваться взад и вперед: так она успокаивала себя и Катю, которая вечерами не могла уснуть.

– А он что? – немного успокоившись, Клава села на диван.

– Кто?

– Отчим. Ты ему о ребёнке сказала?

– Да, – и слёзы потекли градом по бледным щекам.

– А он?

– Клава, этот... Даже слов не подберу, – Лена беззвучно рыдала. Её нижняя челюсть дрожала так, будто женщина сидит на снегу в одном нижнем белье. – Он к матери побежал.

– А она? Как полагается, отхренакала его сковородкой, размозжила башку и вызвала милицию? – предвкушая счастливую развязку, Клава нервно потирала пухлые сосиски, именуемые пальцами.

– Нет.

И мир раскололся на сотни, нет, тысячи мелких хрустальных кусков. У Клавдии зашевелились волосы на ногах.

– Ну, выгнала?

В голове нетерпеливой соседки построилась логическая цепочка, которая непременно должна была вытянуться в одну прямую линию, и ни шагу влево.

– Она меня обвинила. Как будто я сама к нему приставала, а он не выдержал, потому что молодой и горячий, – слёзы закончились, и Лена высморкалась в платок.

– Чего? Приставала? – цепочка в мозгах Клавдии натянулась и со скрежещущим свистом скрутилась в спираль. – А

ты приставала? Только по-честному.

– Конечно, нет. Он меня за баней поймал, когда я бельё развешивала. Заволок в предбанник, дверь на крючок и...

– Ясно. Можешь не продолжать. Подожди, а почему ты не кричала? Я бы такой вой подняла...

– Рукой зажал, рот-то, – тихо ответила Лена, уставившись в одну точку.

– Вот кочерыжка облезлая. Утконос бесхвостый. Да я б ему... я б... я... – Клаву так завёл чужой незнакомый отчим, что она забыла любимый лексикон, любезно подаренный ей родной бабулей-кочегаром. – А потом что?

– Я всё выкрутила так, как будто между нами ничего не было, и Стёпке по пьяни привиделось. А когда живот показался, то мать мне Стёпку-то и припомнила. Оттаскала за волосы, чуть не убила. А я смогла убедить её, мол, это вообще не Стёпкино дитё. Наврала с три короба, чтобы из дома не выгнали. Клава, а куда я пойду? Ни бабушки, ни дедушки. Все померли. Есть тётка в другом регионе, но она с нами не знается. Уехала, и забыла о нас.

– А сколько вас детей? Девки ещё остались?

– Сестра Нюрка да Гришка с Федей.

– Он же, поди, и до Нюрки домогался, – ахнула соседка, приложив ладонь ко рту.

– Не знаю. Я как замуж за Ваську вышла, он быстро все связи обрубил. Даже с подругами общаться запрещает.

Дверь тихонько распахнулась, и в комнату заглянул пья-

ный муж. Глаза красные, бычьи, рот перекошен.

– Поднимай задницу и домой. Быстро!

Лена послушно встала, держа на руках дочь, и двинулась на выход.

– Шевелись! – гаркнул Вася и со всего размаху треснул жену чуть пониже спины, когда она проходила мимо.

Клава не стала одёргивать опьяневшего соседа, чтобы Лене дома не досталось ещё больше. Она отлично знает таких, как Василий: стоит только заступиться во второй раз, то дома, когда рядом не будет свидетелей, жена огребёт по первое число. Лена надела калоши, прижала к груди спящего ребёнка и вышла на улицу. Следом выперся и Вася.

– Что ты там Клавке о своих бóтала? – прикурив на крыльце, Вася качнулся и чуть не упал.

Свежий вечерний воздух ударил в голову, и мужик опьянел ещё сильнее.

– Ничего, – Лена несла дочь и шагала, не спеша.

Ей было стыдно за себя, своё бессилие и за Ваську, который умеет привлечь чужое внимание, проходя по улицам деревни пьяным. Любит он веселить народ, выставляя себя дураком, кривляясь перед соседями. Соседи подначивают, а он, знай себе, раззадорится и песни орёт матерные. Никто из старушек и дедов, проживающих на этой улице, не посмеет вслух осудить Ваську, знают его дрянную натуру: кулаками махать да разносить всё, что под руку попадётся.

Лена шла и думала, зачем она родилась, для чего? Что-

бы нести свой крест, на роду написанный? Но почему такая нелёгкая судьба уготована только ей? Вон Клавка с Петром живут, и давно. Да, дерутся, Петька тоже выпить не прочь, но у них полная идиллия. Деток нет, может, в этом кроется загадка? А если бы были, так же скандалили, как и Васька? Это вряд ли. Клавка – баба боевая, смелая. Если что, и вдарить сумеет. Петя – тоже не слабак, лезет на рожон и ручищами машет. Отлупцуют друг друга, а потом в койку ложатся. Неужели секрет... в этом? Лена бы тоже так могла, но жуткий запах перегара всю душу выворачивает. Тут не то, что поцеловать, рядом лежать противно. Пробовала, но не получается. Хочется сразу бежать к колодцу, напиться ледяной воды и облить себя ею с головы до ног, чтобы избавиться от въевшейся в волосы вони спиртяги.

– Чего молчишь? – затягиваясь ядовитым папиросным дымом, Вася косился на синяк, который он же и «нарисовал» на миловидном личике жены. – Спрашиваю ещё раз, что ты там Клавке натрепала?

– Она спрашивала, есть ли у меня братья и сёстры, – сквозь слёзы ответила Лена, прикусывая язык, чтобы не расплакаться.

– И что?

– Я сказала, да.

– А зачем ей это знать? Сбежать надумала? – выплюнув изо рта окурок, Вася сжал кулак и засопел, как дикий зверь перед прыжком. – Ну? Говори? Надумала?

– Ничего я не надумала, – Лена открыла калитку и пропустила обозлившегося мужа вперёд.

– А то смотри, я тебя где хочешь найду, – входя во двор, Вася обернулся и сразу заметил деда Панаса, ковыляющего с котомкой через плечо. – Оу! Дед! Постой!

Махнув рукой, оттолкнул жену, закрывающую калитку, и поспешил к пожилому соседу. Лена поняла: сейчас доколуется до него со своими пьяными разговорами, психанёт и опять к Петьке свалит. Дед Панас не любит пьяных разговоров, не уважает пьющих. Сам ни разу в рот не брал и всем в округе советует не заниматься травлей своего организма, потому что жизнь одна и прожить её надо с улыбкой на лице и светлой памятью. Почему он так здраво рассуждает? Да потому, что рос в детском доме и знает цену каждому дню, когда и голод – не тётка, и штаны одни на всю ораву. Дед рассуждает так: хочешь выпить – возьми в руки косу и иди в поле, коси, пока седьмой пот не сойдёт, тогда и пить не захочется. Первая мысль будет – помыться, а потом и в койку потянет. Мышцы-то не железные, им отдых требуется. А поутру, как глаза продерёшь, берись за дрова и коли, пока спину не сможешь разогнуть. Отдохнул, и опять за работу. В деревне работы – непочатый край. Трудись на благо своё и обществу. Человек для того и создан, чтобы пользу приносить, а не заливать zenки и в споры бросаться.

Васька выплыл к деду на качающихся ногах и отдал честь, приложив ребро ладони ко лбу. Панас притормозил, глянул

с укором на Иванова, усмехнулся и перебросил котомку на другое плечо.

– Дед, стой, – Ваське не понравилась высокомерность старого соседа.

Догнав старика, он встал перед ним и ещё раз ткнул себя в лоб.

– Ответка-то будет? – нахмутив брови, парень сплюнул за обочину.

– Какая ответка? – дед сделал вид, будто не понял Васю.

– Ты ж вроде как служил, – хмыкнул Вася, сунув руку в карман трико за папиросами. – Иль набрехал?

– Я-то? Служил. А по какой причине тебя этот вопрос волнует?

– Так почему честь не отдаешь? – прикурив, Васька устался на деда с кривой пьяной ухмылкой.

– Я, Вася, кому попало честь не раздаю, – уверенно ответил тот и тоже вынул из кармана старенького кителя пачку.

– А-а, вон оно ка-ак.

– Да, так, – чиркнул спичкой и поднёс к папиросе. – И перед тобой, хлыщом, стоять по стойке смирно не обязан.

Волна возмущений охватила Ваську. Сжав кулак и разжав его, он моментально схватил деда за грудки.

– Ты о чём мне тут втираешь, дед? – уронив папиросу, парень прижался потным лбом к морщинистому лбу спокойного старика.

Стойкий запах намешанной бодяги ударил в нос Панаса,

и тот зажмурился.

– На меня смотри, – зашипел Вася, упираясь лбом в старую кость. – Что, страшно стало?

– А чего мне бояться, Василий Игнатьевич? – Панас открыл глаза. Он говорил ровным голосом, без единого намёка на испуг. – Хочешь бить – бей. Ежели приберёшь – значит, тому и быть. Я не за себя боюсь, родимый, а за ваших деток.

– Чего-о? Каких ещё деток? На старости лет совсем умом тронулся?

– Может, и тронулся, но об одном волнения закрались. Ежели война, а, Вась, кто за твоих деток оборону держать будет? Ты, что ли?

Пальцы пьяного Васьки разжались. Иванов стоял перед стариком и смотрел в его бесстрашные глаза. В них, в этих двух серых пуговках, покрытых молочной пеленой, не осталось ничего, кроме уверенности в своей правоте. Развернувшись, Васька отправился к Петьке, заливать обиду на Панаса и жаловаться на свою скучную жизнь.

Лена, проводив мужа опечаленным взглядом, ушла в дом и сидела там до ночи, ожидая возвращения Васьки, который приходит от соседа в одно и то же время, на карачках. В 00:00 ч.

Так и в этот день, когда кукушка из настенных часов прокричала двенадцать раз, дверь распахнулась, и Вася переполз через порог, захлёбываясь слюнями. Его руки были покрыты ссадинами, а по виску текла тонкая красная струйка,

на носу содрана кожа и не хватало переднего зуба.

Услышав надрывное кряхтение и шлепки по деревянному полу, Лена вышла посмотреть, кто там пришёл. Увидев Васю, стоящего на четырёх точках, всего в крови и расстёгнутой рубаше, на которой не хватало несколько пуговиц, шёпотом задала вопрос: что случилось.

– М-м-м, – Вася не смог вымолвить ни слова, потому как был смертельно пьян.

Лена хотела поднять его, чтобы уложить в постель, но восьмидесятикилограммовая туша не поддавалась слабой, хрупкой девушке. Тогда Лена сходила за подушкой и покрывалом. В это время парень свернулся калачиком у печи и захрапел, выпуская ноздрями клубы прозрачных пузырей. Подложив под его потную голову подушку, Елена накрыла обмякшее тело покрывалом и села за стол, пребывая в смешанных чувствах. Вроде и любит Ваську, жить с ним хочет, но его частые пьянки, оскорбления, беспочвенные подозрения всю душу вымотали. А с другой стороны, даже если обратиться и уйти... куда? К кому? Да не нужна никому молодая девушка с ребёнком на руках! Тем более, ребёнок этот не от мужа. Засмеют люди, заклюют, задушат сплетнями. Никто не поверит в честность Ленкину, если уж мать своему «мужу» доверяет, как себе, то кто ж из чужих возьмётся судить отчима? Выставят Лену виноватой, мол, молодая, бесовестная, задом крутила перед парнем и добилась своего, а теперь носится с результатом тайной любви и ищет пони-

мания, облив честного человека помоями. Раньше надо было думать, когда юбку перед мамкиным ухажёром задирала. Сама виновата, вот и расхлёбывай.

Подперев щеку худеньким кулачком, Лена не заметила, как задремала на стуле. Ей снился отчим в бане, мать, орущая диким голосом и размахивающая кулаками, и Вася, предлагающий пожениться и переехать к нему в Горловку.

– Чего молчишь? – сказав о свадьбе, Вася ждал ответа. – А? Глухая, что ли?

Насупив брови, Лена с возмущением смотрела на жениха и не понимала, откуда такие речи, вроде бы Василий не говорил с ней таким жёстким тоном.

– Глаза разуй! Я с кем разговариваю?!

И Лена очнулась. Распахнув ресницы, она увидела Васю, который хватался за выступающий край столешницы и покачивался. Запёкшая на щеках кровь под лунным светом, пробивающимся сквозь занавески, выглядела так, будто у Васи треснуло лицо.

– Что ты хочешь, ложись спать, – Лена собралась встать, но Василий, положив ей руку на плечо, надавил и заставил сесть на место.

– Где мой костюм? – язык еле ворочался, Вася ещё не проспался, но ему нужно было срочно найти парадную одежду.

– Какой костюм?

– Чёрный. Он у меня один, – сжимая кожу на плече жены, парень всеми силами боролся с надвигающимся сном.

– Три часа ночи. Иди спать, – глядя на хмельного мужа, Лена чувствовала усталость и огромное желание лечь спать.

– Дай. Костюм дай, – пока Василий раскачивался, стоя на полусогнутых ногах, его одолела икота. – Воды... дай.

Лена вновь приподнялась, но муж не позволил встать, надавливая на плечо.

– Мне больно, – чуть слышно сказала Лена, уставившись на опухшее, измятое лицо. – Отпусти, я принесу воды.

– Сбежать хочешь, – проямлил Вася и застонал: – м-м-м.

– Куда я сбегу? Да и зачем? – набравшись смелости, она скинула его руку и направилась к ведру с колодезной водой.

Открыв крышку, набрала ковшом воды и поднесла мужу. Тот, сжав пальцы на ковше, с отвращением посмотрел на Лену. За три больших глотка, осушив ёмкость, бросил её на стол. Железный ковш с грохотом ударился о столешницу и упал на пол.

– Иди спать, Вася, – ласковый голос нахальной жены разозлил Ваську.

Пробормотав пару матерных слов, он продолжал держаться одной рукой за стол, а второй резко вцепился в руку жены.

– Петька сказал, что ты ему нравишься, – вода, смешанная со слюнями, текла по подбородку и оседала на волосатой груди. Раздувшиеся ноздри и бешенный взгляд предвещали бессонную ночь.

– А я здесь причём? – прошептала Лена, чувствуя начало громогласного скандала, который сто процентов увенчается

побоями.

– Он бы так не сказал, если б ты вела себя, как подобает жене, – чем глубже Вася вздыхал, тем сильнее от него воняло прокисшей водкой.

– Твой Петя несёт, что попало, а ты и рад верить. Вась, ложись, а. Хватит, нагулялся, а теперь ложись. Я всю ночь из-за тебя не сплю.

– Из-за меня ли? – скорчив грозную мину, Василий отпустил её руку и взялся за грудки. – Или из-за Петьки?

– Не носи ерунды. Иди ложись. Проспись, – привыкшая к регулярной ругани, Елена всё равно побаивалась, когда её муж начинал разборки с надуманной ревности.

– К Петьке тебя тянет, да? К нему бегаешь, пока меня дома нет? Раздевайся! – зарычал Вася и разорвал ткань на груди слабой женщины.

На этот раз Лена не стала сопротивляться. Она послушно расстегнула оставшиеся пуговицы и сбросила платье. Вася вцепился в загорелые плечи слюнявыми губами и слегка прикусил молодую нежную кожу. Было больно, но Лена не издала ни звука. Завалив жену на пол, мужчина стал яростно срывать с неё нижнее бельё. Потом сорвал с себя трико и... Ничего не вышло. «Павший воин» так и не поднялся, сколько бы Вася не возился над вялым телом. Злость пробирала, но Василий не сдавался. Он с силой мял кожу и хрипел, пытаясь изобразить страсть. Лена лежала и смотрела в потолок, сжав зубы. Она всеми силами отгоняла грязные мысли, что-

бы в памяти не всплыл случай с баней, где «потрудились» её отчим. Намучавшись, Вася встал на колени.

– Холодная, как рыба, – рывкнул он, заправляя рубашку в трико. – Пошла отсюда.

Сев на стул, Василий опустил голову на руки и застонал.

– Не могу с тобой... Не могу. Ты мне всю душу вымотала. Я потерял мужскую силу... ни с кем не могу...

И тут Лена поняла, он пришёл от какой-то женщины. Поднявшись, она взяла платье, бельё и ушла в комнату. Чувствуя жуткую головную боль, девушка забралась под одеяло и всхлипнула.

– За что мне всё это?

Вася просидел в кухне без малого час, потом сходил на улицу, покурил на крыльце, подумал о своём плачевном положении недомужика и вернулся. Ещё десять минут походил по кухне, а после, выпив воды, лёг на печи. Слушая, как почти протрезвевший муж мечется и не находит себе места, Лена подложила руку под голову и уснула. Вася отрубился через пятнадцать минут, как только отбросил все мысли и решил завтра продолжить отмечать наступление нового дня. Дом затих до утра.

Обычно утро начиналось с дойки, но не в этот день. Лена подскочила, услышав жуткий стон, разразившийся как будто из чердака. Забыв, где находится, Вася резко поднялся, ощутив дикую боль в носу, и ударился головой в кирпичную кладку. Лена прибежала на вой и встала перед мужем, поти-

рающим лоб.

– Дай чего-нибудь, нос болит, – чуть ли не плакал он, опустив голову.

Подумав, что у мужа разболелась голова после пьянки, она принесла рассол, но Вася грубо отклонил предложение жены. Ударив по почти пустой трёхлитровой банке, он наорал на Лену и уточнил, чтобы принесла обезболивающее. Лена порылась в ящике трюмо, нашла нужную таблетку и набрала в ведре воды. Выпив, Вася слез с печки.

– Господи! – ахнула жена, увидев расплывшееся и посилившее лицо. – Кто тебя так?

– Не твоё собачье дело, – Вася сел на стул и аккуратно потрогал кожу вокруг глаз.

Она была чуть твёрдой и изрядно отёкшей. Глаза заплыли, оставив еле заметные щёлочки, нос стал в два раза больше, и только сейчас Лена заметила его кривизну. Губы похожи на красный холодец, а впереди, на верхней челюсти, не хватало одного зуба.

– Что уставилась? Лёд неси! – рявкнул Вася, приложив ладони к опухшему лицу.

Отколов в морозилке несколько кусочков льда, Лена завернула их в вафельное полотенце и подала Васе. Он не просто взял его, а резко выхватил, злясь на свой внешний вид, который ещё не видел в зеркало, но уже знает, каким месивом стало его лицо.

– С кем ты подрался? – Лена села за стол, не спуская с

мужа напуганного взгляда. Вернее, даже не напуганного, а сочувствующего.

– Похоже, ты не только рыба, но и глухая тетеря, – Вася прикладывал узелок со льдом то на переносицу, то на губы.

– Это Петька?

– Петька?! – разозлившийся муж бросил полотенце на стол, и ледяные куски высыпались на столешницу. – Пошла ты нахер со своим Петькой! – вскочил на ноги и собрался на улицу, но что-то его остановило. Обернувшись, Василий приказал жене срочно напечь блинов. Ему вдруг есть захотелось после ночного приключения.

– Мне корову доить пора.

– Успеешь. Сначала мужа накорми, а потом всё остальное, – нащупав в кармане трико пачку сигарет, вышел в сени.

Взглянув на часы, Лена принялась готовить тесто. Интересно, кто ж его так отмудохал? Всегда такой задиристый был, ни от кого не получал, сколько она его знает, а тут размолотили по-доброму. Улыбаясь чужой победе, Лена стояла у стола и размешивала муку в молоке. Вася сидел на корточках и нервно курил, вспоминая, как он поспорил с Петькой и проиграл.

– Ну, сука, я тебе ещё отомщу. Вот только глаза откроются, приду и нахлобучу, – осторожно шлёпая обвисшими губами, он ощущал, как лицо раскалывается на несколько частей.

Попробовав разлепить веки, Василий всплакнул. Хоть и

мужик, а больно. Это ж надо было так зацепиться с женой Петьки. Конечно, она весом берёт. Как размахнётся, неожиданно, ты и сообразить не успеваешь. Клава ни разу не обижала Васю, только грозила кулаком, а тут такая оказия. А всё из-за Петьки, чтоб его на ленты порвало. Давай, говорит, поспорим, кто кого в армрестлинге уложит!

– А на что спорить-то будем?

– А чёрт его знает. Давай, на водку.

– Не, неинтересно. Лучше – на деньги.

– Да ну, если ты проиграешь, то я всё равно потом верну.

– М-да-а, даже и поспорить не на что.

– А давай, на жену!

– Вторую брать собрался?!

– Нет. Кто выиграет, тот и...

– Ну ты даёшь! А не боишься, что Клавка со мной останется?

– Это тебе надо бояться. Ленка у тебя – у-ух! Не заревнуешь?

– Было к кому ревновать.

В итоге выиграл Петька и на полном серьёзе собрался идти в дом Василия, чтобы с его женой «поболтать о погоде». Поначалу Вася подначивал, шутил, веселился, а когда Петька оделся и попросил предупредить Клавку, мол, он за самогоном пошёл, тут-то Васька и взбесился. Вцепился в ворот ветровки, повалил соседа на пол и начал дубасить со всей дури. Услышав возню в кухне, выскочила и Клавка. Не раз-

бираясь, что не поделили пьяные вусмерть мужики, схватила кочергу и несколько раз приложила к симпатичной физиономии проигравшего. Вася даже рта не смог раскрыть, потому что железная палка первым делом опустилась на его обветренные губёшки и размесила в ещё не застывший холодец. Потом Клава бросила кочережку и подняла полено, что у печки лежало. Отходила соседа так, что он выполз из её дома на четвереньках. Петька был спасён. Поцеловав жене руки, убедил её в своей невинности, будто Васька озверел из-за самогона, за которым Петя отказался идти.

Ноги замлели, и Вася встал, постанывая от ломоты в теле. Пока он вспоминал, как провёл время у Пети, Лена испекла блинов и вышла с ведром, чтобы подоить корову.

– Тебе нужно отлежаться, – сухо произнесла она, заметив за ухом мужа огромную шишку. – Очень больно?

– Не твоё дело! – рявкнул Вася «холодцом», собираясь залезть в постель. – Иди, куда шла. И да, – погрозив кулаком, сплюнул за крыльцо. – Если узнаю, что у тебя с Петькой что-то было...

Вздыхнув, Лена ничего не ответила и отправилась в сарай.

Вася вернулся в хату, выпил воды, проверил запасы водки, но ничего не нашёл. Голова трещит, спину будто по швам раскроили, а о лице и говорить нечего: поломали Ваську, ой как поломали, впервые за двадцать один год. Сев на стул и подперев кулаком подбородок, парень уставился на тарелку с блинами. Нет, есть не хочется, совсем. Сейчас бы рюмочку

да сальца. Да и блин сойдёт, хрен бы с ним, но одно терзает, друга потерял. Сволочью он оказался, Ленку ему подавай. Шутки шутками, а края не видит. Вчера Клавка ему помогла, а в другой раз никто не поможет. Васька настроен воинственно.

Дождавшись жену с полным ведром молока, Василий в приказном тоне заставил её купить самогонки у местной торгашки. Принеся домой бутылку мутной, девушка принялась цедить молоко, но Вася толкнул ногой ведро и заорал.

– Я просил пол-литра, а ты что принесла?

– С тебя и чекушки хватит, – Лена наклонилась, чтобы поднять ведро и банку, которая тоже упала на пол.

– Ты мне указывать будешь? Я сам решаю, сколько брать! – вопил он, не обращая внимание на проснувшуюся от крика Катю. – Иди назад и бери пол-литра!

– Никуда я не пойду, – бубнила Лена вытаскивая половую тряпку из сеней. – Если так приспичило, сам иди.

– Ты кому это сказала? Совсем берега попутала? – распухшее лицо покраснело от злости, и даже приоткрылся правый глаз. Вася хотел наброситься на непослушную жену и наказать за дерзость, но, поскользнувшись на молоке, потерял равновесие. Свалившись на мокрые доски, Вася ударился головой об угол стола и замолк.

Лена вошла в кухню, держа в руке тряпку, и сразу решила: Васька прикидывается, чтобы напугать её, как на первых свиданиях, когда он делал вид, будто у него прихватило серд-

це или он задыхается, а потом вскакивал и смеялся, как сумасшедший.

– Подвинься, мне надо вытереть лужу, – Лена бросила тряпку рядом с его ногами, вытянутыми в струну. – Вась, хватит дурака валять, мне не до шуток.

Но парень лежал на спине в молочной луже и молчал. Вытерев молоко вокруг ног, Лена вышла на улицу, выжала тряпку и вернулась. Вася лежит в той же позе, как и лежал – ровно и неподвижно.

– Если не встанешь, будешь сам убирать, – открыла печную дверцу, чтобы заняться растопкой. – Хватит прикидываться. – зажгла спичку и поднесла к смятой бумаге, заложенной между дровишками.

В доме тихо, будто и правда кто-то умер. Катя уже успокоилась и сидела в кровати. Она нашла пустышку под подушкой, сунула её в рот и принялась стаскивать полотенца, висевшие на перегородке.

– Когда ж ты за ум возьмёшься? – тяжело вздыхала Лена, сидя на корточках и косясь на мужа. – Ладно, хватит, вставай, – она решила перевернуть мужа и вытереть молоко. Пусть прикидывается и дальше, если больше заняться нечем.

Подхватив его под спину, девушка напряглась и повернула тело на бок. Вася упал на живот, и Лена вскрикнула. На левой стороне головы, за ухом, виднелось окровавленное пятно. Завизжав от ужаса, Елена сбегала в комнату за простынёй, подложила мужу под голову и бросилась к соседям

за помощью. Услышав, что Васька умер, Клавка схватилась за голову, подумав, что всему виной её ночной «брейк-данс» в компании кочерги. Но, когда заплаканная Лена пояснила, отчего Вася лишился чувств, Клавка сиюминутно оделась и побежала оказывать помощь. Петя в это время спал без задних ног и не слышал, что произошло с его собутыльником. Влетев в дом, женщины были готовы вызывать милицию и скорую и даже успели обсудить по дороге, что им говорить, но, распахнув дверь, впали в ступор. Васьки на полу не оказалось.

– Тьфу ты, – Клаву пробрал мандраж, и она села прямо на порог, – я чуть сердечный приступ не подхватила.

– А где он? – зашептала Лена, выпучив глаза на остатки молочного пятна на полу.

– По следам погляди, – показав пальцем на доски, Клава вцепилась серьёзным взглядом за бледные следы от ног, которые выходили за пределы кухни, а в сенях они уже пропали, как будто Василий шёл-шёл, а затем взлетел.

– Живо-ой, – радостно протянула Лена и села рядом с соседкой.

– У тебя не муж, а сущее недоразумение, – запричитала Клава, обрадовавшись в душе за вновь обрётённую свободу. – Я вчера его чуть не прибила.

– Ты? – удивилась Лена. – За что?

– А бог его знает. Сижу в зале, штопаю носки, и вдруг слышу, в кухне пыхтят. Да так, будто у кого-то запор. Ну я-

то не из тугодумов, сразу сообразила – дерутся. Выскакиваю, а Васька на моём Петьке сидит и кулачищами машет. Да я и сама не ожидала, как моя рука к кочережке потянулась. Ну и...

– Кочергой?

– Угу, махала так, что сама не помню, что я там ему отбила.

– Ты? Ваську? Кочергой? – представив, как это выглядит со стороны, Лена от души поохотала. – А-ха-ха-ха! Это ж как он тебе сдачи не дал?

– А кому там давать? Они же оба лыком не вязали. Ладно, смейся, пока есть над чем, – тяжело поднимаясь на ноги, Клава положила руку на плечо соседки. – Ты это... Если что, прибегай. Но больше я его и пальцем не трону. Мы с тобой пока сюда бежали, я уже лет десять успела отсидеть. Ну его к лешему, из-за какого-то дурака в арестантки прописаться? Ну уж не-ет, увольте. Я пожить хочу. Если что, Петька без меня пропадёт. Да и я без него, как без рук.

Похлопав Елену по плечу, Клава ушла к любимому мужу, чтобы ещё раз взглянуть на него и порадоваться, какой он у неё славный. Лена навела порядок в кухне, ожидая своего Васю, который ушёл неизвестно куда. Накормила дочь, оставила её в комнате с игрушками и отправила корову в поле. Осталось заняться стиркой, обедом и прополкой грядок. Уже время близится к полудню, а мужа всё нет и нет. Лена заволновалась. В принципе, пойти ему некуда, из лучших друзей

– только Петя, ну, может, ещё и с Гришкой иногда выпьет, а так Василий не особо с кем-то дружбу водит, слишком уж гордый и хвастливый. После двенадцати часов, когда Катя уже спала и Лена приготовила обед, в дом явился Василий.

– Ты где был? – ласково спросила Лена, радуясь, что он живой.

Вася молча сел за стол и уставился в окно. Его лицо было всё таким же оплывшим, левый глаз практически открылся, нос – набок, губы распухшие, а следов крови на голове не осталось.

– На речку ходил, – грустно ответил муж, украдкой поглядывая на Лену. – О жизни думал.

– И что придумал? – Лена почувствовала в Васе какие-то изменения.

– Я когда на полу очнулся, меня как будто осенило. Как я живу? Зачем?

– И?

– Страшно мне стало, Лен, очень страшно. Сходил на речку, искупнулся и будто заново родился.

– Вася! – Лена кинулась обнимать любимого. Расцеловав его болезненное лицо, она наслушалась, какая у Васи жена неповоротливая, но всё равно продолжила целовать, не скрывая своей радости. – Наконец-то ты пришёл в себя! Теперь у нас точно всё будет по-другому!

Глава 2

По-другому было всего ничего – три дня. Вася не пил, вёл себя тихо и не ругался. Но, как только у Ленки проявились первые признаки беременности, Иванов, загадав, что у него родится сын, сразу побежал к Петьке обмывать скорое прибавление в семействе. Вернувшись домой в полночь, он моментально преподал урок воспитания жене, успокоился и лёг спать.

Потирая разгоревшиеся от пощёчин щёки, Лена сидела на крыльце и жалобно всхлипывала, пытаясь понять, за что муж обрушился на неё с обвинениями по поводу беременности. Просидев на улице до двух часов ночи, она отправилась спать. Подойдя впотьмах к кровати, нащупала на своей половине Васькины плечи. Потрогав вторую половину, легла на диван, потому что муж развалился по диагонали, и не стоит его беспокоить, иначе проснётся и... пиши пропало.

В эту ночь Лена не спала. Ворочаясь с боку на бок, она вспоминала озлобленное лицо мужа, его слова, угрозы. Почему-то он часто упоминал Петьку. Неужели до такой степени вбил себе в голову глупость, мол Петька и Лена вместе, и безоговорочно верит в неё? А ведь с первых дней приезда в деревню Вася тычет ей соседом и несёт всякую чушь. Почему он не приписывает ей Гришку или, например, Мишу? Они ведь тоже молодые, но неженатые.

Вот и утро наступило, а сон так и не посетил уставшую от скандалов девушку. Пора вставать и идти в сарай. Поднимаясь с дивана, Лена почувствовала головокружение и лёгкий приступ тошноты. Но делать нечего, некому подоить корову, Васька ещё не проспался, а звать свекровь на подмогу не стоит. Она как-то высказалась по поводу помощи по хозяйству в нелицеприятной форме, поэтому лучше не нагнетать. Взяв ведро, Лена вышла на улицу, глотнула свежего воздуха и потопала к кормилице за парным молочком. Запах в сарае стоит специфический, вызывая рвотные позывы, но Лена, завязав на лице платок, задержала дыхание и принялась выкидывать через окошко навоз. Почистив у коровы, подоила её, положила свежей травы, принесла воды, а затем принялась готовить завтрак. Мутит, конечно, но это только начало. Странное дело, с Катькой такого не происходило. Не было и намёка на щекотливое положение. Пузо растёт и растёт, Лена округляется, щёки розовеют, а в этот раз хоть наизнанку вывернись: с каждым днём всё хуже и хуже.

Закончив с домашними делами, Елена накормила дочь и вывела её на улицу. Пока Катя копошилась в песочнице, Лену вывернуло несколько раз.

– Господи, когда ж это кончится? – шептала она, сидя на ступеньках крыльца. – Тяжко-то так...

Калитка скрипнула и перед измученной тошнотой девушкой предстала свекровь.

– Чего расселась? Я её там жду-жду, а она загорает, – за-

рычала Александра Константиновна, косясь на Катю. – Я позавчера тебе о чём говорила, а?

Лена вопросительно смотрела на недовольную женщину и сглатывала слюну.

– Погода будет, пойдём на картошку.

– Не могу я. Плохо мне, – прошептала невестка, вытирая подбородок.

– С чего это?

– Беременная я.

– И что? Беременность – не болезнь. Собирайся. Картоху полоть надо.

– Лучше Ваську попросите.

– Ишь ты-ы, – поставив руки на бока, Александра покачала головой. – Лодырь ты, а не невестка. И где это видано, чтоб мужики борозды пололи? Или, может, Ваську ещё у плиты поставить, чтоб тебе борщи варил, пока ты прохлаждаешься? Или пускай бельё твоё стирает, а ты будешь у телевизора лежать?

– Тошнит меня. Вот отпустит, тогда и приду.

– Знаешь, что, девонька, ты мне это брось. Я надумала картохи вам в подпол насыпать, чтоб не пропала, а ты нос воротишь? А если я сейчас Ваське доложусь, а? А если я ему всё о тебе выскажу? Ты подумала, как ты в свои года, будучи брошенкой, жить с девкой будешь? Да тебе все ребята забор переломают, и вся деревня будет знать, что ты не жена Василия, а обыкновенная гуляка. Куда тогда побежишь, а? К

мамке с бабушкой? Да кому ты нужна после того, что в своём селе наворотила?

– Что? – у Лены вытянулось лицо.

– Знаю. Знаю я, как ты в своём краю хвостом мела. Земля слухами полнится, родимая. Вот и до меня дошли, как ты дочку-то прижила. Тьфу, и как только Васька на такую, как ты, позарился. Позор на всю округу. У сына моего сердце дюже доброе. Взял тебя под своё крылышко, а ты так с его матерью поступаешь. Тьфу, чтоб ты облезла, курица подколотая. Где он?

– Кто?

– Сын мой, кто ж ещё? В поле его нету, я уже узнавала.

Ну и мамаша-а-а. Проходу не даёт не только невестке, но и сыну. Каждый день справляется, где Васька, во сколько пришёл, во сколько ушёл, с кем беседы вёл и сколько времени.

– Спит он.

– А чего ж на работу не отправила? Я тебе самое дорогое доверила, а ты его перед людьми позоришь! – ещё чуть-чуть, и возгласы свекрови услышит вся деревня. – Бессовестная! Да какая из тебя жена? У тебя ж одни мужики на уме! Что, никак «наестся» не можешь? Я в твои годы за пятерых работала, а ты сидишь тут и спину греешь! А ну! Подымайся, кому говорю?! Картошка сорняком поросла, не уродится клубень по твоей милости!

– Александра Константиновна, это ваша картошка, свою я уже прополола. Дайте мне передохнуть, пожалуйста, ток-

сикоз у меня... – взмолилась Лена, прикрывая рот ладонью.

– Я тебе сейчас передохну! Я тебе так передохну, что полетишь ты у меня обратно, в Сосновку, или откуда ты сюда прикатила!

– Ну, попросите кого-нибудь, мужа, например.

– Мужа? Мужа просить гряды полоть?! – глаза свекрови округлились размером с рублёвую монету. – Да ты ополумела не иначе?! Ну я тебе сейчас покажу, как со свекровью разговаривать.

Константиновна рванула к крыльцу, чтобы пожаловаться Ваське, но не успела войти в дом, как на пороге столкнулась с сыном.

– Васенька, ты представляешь, что твоя жена учудила? – ещё не видя лица сына, она запричитала, как потерпевшая. – Ой божечки, – опешила, когда узрела не лицо, а месиво. – Что это с тобой?

– Чего орёте, аж в доме слышно? – зевнув, Васька вынул из трико пачку папирос.

– Кто ж тебя так, сынок? – запричитала мать, кинувшись на грудь парня. – Да я им всем руки обломаю за такое отношение! Да я на них порчу наведу и заставлю молить прощения!

– Мам, отстань, дай оклематься, – отодвинув мать в сторону, Вася спустился с крыльца. – Упал лицом вниз, быва-аает, – сладко зевнул и сунул папиросу в рот.

– Вася, признавайся, кто тебе физиономию попортил? У

меня не заржавеет, я быстро тому рога пообломаю, – спустилась к сыну, чтобы поближе рассмотреть синяки.

– Не переживай, пройдёт, – закурив, Вася покосился на жену.

Лена всё также придерживала ладонь у рта, скукожившись от воплей свекрови. Выпустив первую струйку дыма, Василий перевёл заспанный взгляд на мать.

– Чего кричишь-то?

– Картохой заниматься некому, а твоя жена отмахивается. Вася, сердцем чувствую, по миру нас пустить хочет. У меня руки уже не те, не справляюсь. Батька твой в колхозе трудится, а жена загорает. Да где это видано, чтоб молодая девка баклуши била? Да кому скажи...

– Поднимай задницу и пошла на усадьбу, – грозно приказал муж, положив руку на плечо матери.

– Так её, так, миленькую! А то ишь перечить вздумала, – свекровь заулыбалась во все двадцать зубов и погладила сына по животу. – Только ты трогать её не вздумай, а то помнишь, что с Федором жёнка сделала? До сих пор сидит, окаянный, за бабскую натуру сварливую, – шепнула ему на ушко, поглядывая на ненавистную невестку.

– Вась, помру я там. Ей-богу, помру, – заохала Лена, обхватив руками свои плечи. – Тошнит, спасу нет.

– А ведь и правда, что ты тут умирающую лебедь изображаешь? – выпустив клубы дыма, Вася выставил одну ногу вперёд. – У всех жёны, как жёны, а ты шлангом прикидыва-

ешься. Что люди скажут? Моя мать на старости лет и куска хлеба у тебя не допросится.

– Вась, – вновь зашептала Константиновна, – а синяк у неё откуда?

– А кто ж его знает. Шлындает где-то, вот и приходит с фингалом.

– У-у, стыд-то какой, а соседи подумают, что ты её таким образом приглаживаешь. Смотри мне, Вася, нам с милицией связываться ни в коем случае нельзя. Батяка твой на первом счету в колхозе. Позору не оберёмся.

– Ну что ты, мам, я что, дурак что ли? Понимаю, каким трудом отец репутацию зарабатывал, – сплюнув в траву, Вася приблизился к жене, побледневшей до неузнаваемости. – Делай всё, что мать попросит. Она у меня одна, – ткнув пальцем ей в запястье, поднялся по ступенькам.

– А кто корову встретит? – охрипшим голосом спросила Лена.

– Ой, корову! – расхохоталась Александра. – И что за ней бегать? Сама придёт! Или в вашей деревне коровы обратной дороги не знают?!

Противный свекровкин хохот разлился по всему двору, и Лене стало ещё гаже. Знает ведь, что Бурёнка может уйти, куда глаза глядят. Её на верёвке надо домой вести.

– Ну? Долго ещё будешь принцессу из себя строить? – уперев руки в бока, Константиновна проводила хитрым взглядом сына, который уходил в сени. – Пока погода ладная, ай-

да на усадьбу.

– Надо Катю с собой взять, чтобы рядом была.

– Ага, это будет не прополка, а одни гляденья за твоей девкой. Нет уж. Василий мой ответственный. И уложит, и накормит, а там и приглядит. Подымай свой зад и на картоху.

– Сейчас, только переоденусь.

Надев старенький летний сарафан, Лена повязала на голову косынку, взяла резиновые перчатки и искоса посмотрела на мужа, лежащего на кровати.

– За Катей в оба глаза смотри. Не забудь ей кашу сварить и...

– Иди уже, мораль она мне будет тут читать. Не маленький, справлюсь.

Лена вздохнула и вышла на улицу, а свекрови уже и след простыл.

– Александра Константиновна! – крикнула она, озираясь вокруг. – Где Вы?

– Не ори, не глухая, – свекровь вышла из сарая и вынесла полудохлую курицу. – Загубила птицу, хозяйка плешивая, – пробормотала сквозь зубы и бросила курицу на навозную кучу. – Всё правильно, всё верно. Вася пусть вкалывает, а ты будешь хозяйство разорять. Вот как дала бы, – замахнулась кулаком, зыркнув на невестку, и потопала к калитке, переваливаясь с одной ноги на другую, как жирная утка.

До усадьбы идти километра три, а то и все четыре. Солнце высоко, душно. Хоть бы ветерок подул, чтобы не так тяжело

было. Знойное нынче лето, дождей не дождёшься. Приходится огород поливать ежедневно. Лена шла позади свекрови, опустив голову, и думала о своей женской доле, самой свекрови, которая вроде бы и баба и должна войти в положение, но, видимо, ей аист Ваську в узелке принёс или она его нашла в капусте, если не знает, как трудно бывает беременным в такой сложный период – первый триместр. Волочатные ноги, девушка изредка поглядывала в спину грузной женщины и мысленно желала ей образумиться и по-доброму относиться к невестке. Что ж за напасть такая? В доме матери ни одного хорошего словечка не слышала, а теперь и свекровь села на шею и ездит, и ездит... Учит Ваську, чтобы не дрался. Да если бы она знала, как он вечерами упражняется, что даже искры из глаз. И пожаловаться бы ей, да не примет она жалоб, наоборот – осудит.

Вот уже и часть пути пройдено, а свекровь всё молчит и топаёт, дыша через силу. Одышка у неё из-за жары и веса немало.

– Может, передохнём? – жалобно спросила Лена, видя, как свекровь мается.

– Отдыхать ночью будешь. А сейчас полоть. Картохи много надо. Ай, да будто ты не знаешь? У меня столько скотины, что рук не хватает! – рявкнула Константиновна, повернув голову набок. – Чтобы зимой вкусно есть, надо летом от зари до зари шевелиться. От зари до зари...

Прищурив пороссячи глазёнки, Александра притормози-

ла. Издалека она заприметила женщину, несущую два ведра. Женщина идёт устало, останавливается, ставит ведра на дорогу, вытирает лоб от пота и вновь хватается за ведра.

– Та-ак, – Константиновна будто хлебнула живой воды. Продолжив путь, она так бойко перебирала ногами, что даже не верилось, пару минут назад у неё не то, что ноги волоклись по земле – голос дрожал.

Спеша к путнице с ведрами, Александра замахала руками, чтобы та обратила на неё внимание, потому что путница вот-вот свернёт с дороги и коротким путём сбежит в деревню.

– Погоди-и! – голосила свекровь, задыхаясь от спешки. – Посто-ой!

Женщина встала, как вкопанная, и поставила ведра на пыльную дорогу.

– Что у тебя там? – добежав до местной зажиточной особы, Константиновна сунула любопытный нос в ведра. – Краснюки!

– Агась, – довольная улыбка расплылась на блестящем от излишней влаги лице.

– Неужто ещё не обнесли? Сама набрала? А где? – засыпая вопросами замученного грибника, Александра вытерла краем косынки мокрый рот и вытянула шею.

Услышав, в каких местах нужно искать подосиновики, злобредная свекровь закрутила головой и вытаращила глаза.

– Бросаем полоть! Бегом в лес! А то я в этом году опять без грибных соленьев останусь!

Потерев распаренную шею, Лена стояла перед свекровью и думала, как она ей надоела до чёртиков, вот как дала бы по маковке, чтобы не хваталась за все дела сразу.

– Грибы никуда не уйдут, а Ваша картошка...

– Как раз-таки в прошлом году грибочков я и не увидела, – начала кривляться Александра, обвиняя невестку в пропаже прошлогодних подосиновиков. – Мой Васенька одним местом прирос к твоей Сосновке и в лес так и не сходил.

– В прошлом году я не была с ним знакома, – утвердительно сказала Лена, поглядывая на женщину с вёдрами.

– Да что ты? Тогда к кому он туда ездил?

– А мне откуда знать? – набравшись смелости, ни с того ни с сего Лена поставила ультиматум. – Или на картошку, или я иду домой.

– Ох ты, как заговорила, миленькая, – скорчив гадостливую рожицу, Константиновна скрючила пальцы и помахала ими перед лицом невестки. – Ты мне тут условия ставить будешь? – повернула голову на грибника и произнесла приторно-ласковым голосом. – Иди, Глашенька, и спасибо тебе.

Потом опять наехала на Лену.

– Ты почему меня перед людьми позоришь? А? Как тебе совести хватает мне такое говорить?

– А что я такого сказала? Поправила Вас, и всего-то. Вы, видимо, запомнили, что я к вам приехала несколько месяцев назад, и в прошлом году я вашего Васю не знала.

– Да ты посмотри на неё! Я ей слово, а она в ответ дерзит!

– Неправда ваша, не дерзила я. Сами подумайте, вся деревня знает, что мы поженились недавно, а вы своего Ваську перед тётей Глашей дураком выставляете, вот я вас и остановила.

– Да каким дураком-то? – взбесилась женщина.

– Обыкновенным, – пожалала плечами Лена. – А если не дураком, так себя – душой.

– Да ты белены обожралась или тебя злая муха покусала?!

– Я что Вам объясняю. Вы не кричите, а прислушайтесь. Мы с Васей не знали друг друга в прошлом году, а Вы тёте Глаше другое рассказываете. Вот, что она сейчас подумала? Уверяю Вас, она решила, что у Вас болезнь старческая. Вы же сами знаете, как быстро расходятся сплетни в деревне.

– Ась? – обмозговав речь пламенную, Александра чуть не села на жопу, прямо тут, на дороге. – Ну-у девка... ну голова-а-а, – пробормотала она, уставившись в одну точку. – А ну их к лешему, грибули эти, пойдём-ка лучше домой.

– С чего вдруг? А как же усадьба?

– Пару деньков подождёт твоя усадьба, – махнула рукой свекровь. – Мы сейчас к вам пойдём. Хочу с Васенькой покалякать да кое-что узнать.

Константиновна обошла невестку и направилась в деревню, рассуждая вслух, у кого это её сынок гостил, когда в Сосновку наведывался. Неужели соврал матери, что познакомился там с девушкой и готовится сватов созывать? Или Ленка и правда что-то привирает, или Васенька из матери

дурочку делал. Слишком уж дотошная Александра. Даже если с какого-нибудь события годы пройдут, и она узнает правду, всё равно будет допытываться, чтобы виновника вывести на чистую воду. Торопясь к сыну, женщина резво размахивала руками и продолжала бубнить. Лена шла позади, цепляясь взглядом за толстые ноги свекрови и думая о том, что они выглядят нездоровыми.

– Что с ней сделала тяжёлая работа, – нечаянно сказав вслух, мгновенно замолчала.

Но Александра не услышала её и слава богу. Свернув на улицу, где стоит дом сына, Константиновна пропустила мимо ушей оклик, а позади бежала молодая девушка и звала Лену.

Лена обернулась.

– Я вас зову-зову! – подбежав к Елене, она хватала ртом воздух и смотрела на неё округлившимися глазами.

– Чего тебе? – сердито спросила Александра.

– Лена, беги скорее, у тебя дома... беда.

– Какая ещё беда? – выдавила из себя Елена, крутя в голове различные страшные мысли.

– Дом у вас погорел. Пётр успел ребёнка вытащить, а вот Василий... – и девушка замолкла, опустив глаза.

– Что с Васькой?! – заверещала Константиновна, схватив девчонку за плечи. – Говори! Не молчи, окаянная!

– Его в больницу забрали, – виновато прошептала она и попятилась назад.

– О-ой, Васенька-а! О-ой, родненьки-ий! – сорвав с головы косынку, Александра поспешила к дому сына.

Лена не отставала. Обогнав свекровь, она подлетела к калитке и взглянула наверх. Крыша дома дымилась еле-еле, будто её подожгли только что. Рамы на окнах почернели, а дом выглядит вполне целым. Забежав внутрь, она почувствовала запах горелого. Удушливая вонь пробралась в горло и вызвала частый кашель. Прикрыв рот рукой, Елена прошла в комнату. Перед её заслезившимися глазами предстала мрачная картина: изрядно подгоревшие одеяло и подушки валялись на кровати, покрытой копотью, детская кроватка тоже была задета огнём – все перегородки покрылись чёрным налётом, на полу лежали обгоревшие трико, а у ножки кровати стояла открытая бутылка водки.

– Господи, беда-то какая! – голосила свекровь, влезая на крыльцо. – Кто поджог? Кому руки переломать? Вася-а-а! Васенька-а-а!

Ввалившись в дом, Александра глотнула удушливого воздуха и сразу закашлялась. Слезы потекли ручейкам по розовым щекам, женщина вломилась в комнату.

– Чего стоишь? Чего смотришь, чувырла сосновская? Если бы не ты, то жил бы мой Васенька в моей хате! Из-за тебя он в колхозе дом попросил, чтоб он сгорел дотла, домина это-от... Чего встала? Собирай целёхонькие вещи и пойдём к нам! – толкнула локтем девушку. – Здесь неделю будет выветриваться, а ты моего внука носишь, чтоб у тебя руки-то

поотсохли-и.

– Я к Пете, – сквозь руку прошептала Лена, после чего получила порцию обвинений, мол, правду люди говорят, что между ней и соседом что-то есть. – Разве Вы не слышали, что Вера сказала? Петька Катю из горящего дома вытащил.

– А-а, это ты сразу услышала, а то, что мой Васенька обгорел, мимо ушей пропустила?! – завизжала свекровь, размахивая кулаком. – Где Васькины вещи? Сама соберу! А ты свои собирай собственноручно! Я тебе не рабыня!

– В шкафу найдёте, – развернувшись, Лена ушла к соседям.

Там её ждали презрительные взгляды Клавы и бабушки Нюры, которая самолично видела, как из хаты валит дым, и подняла крик. Войдя в дом, Лена бросилась к дочери, сидящей на коленях Клавы.

– Где тебя носило? – рыкнула озлобленная Клавдия, передав ребёнка из рук в руки. – Оставила Катьку Ваське... Ты что, забыла, что он пьющий?

– Меня свекровь на картошку позвала, – еле слышно ответила Лена.

– Какая картошка в такую-то жарень? – возмутилась Нюра, допивая прохладный морс. – Что-то ты мутишь, девонька. Вроде бы умная, а прикидываешься дурочкой. Я Шурку с детских лет знаю, она никогда в жару на картоху не ходила, даже, когда мамка её зазывала. Где была? Почему дитё без пригляду?

– Я же Вам говорю, свекровь приходила. Да она и сейчас в доме, Васькины вещи собирает, можете сходить и спросить.

– Ты посмотри на неё, ишь какая. – Нюра осматривала Лену с головы до ног и морщила лоб. – То-то в вашем дому нет сладу. Значит, Васька правильно делает, что изредка по-колачивает. – Глядя на синяк под глазом, бабуля довольно улыбнулась.

Лена пристально посмотрела на старуху и спросила у Клаввы о её муже.

– А зачем он тебе? – сердито спросила соседка, сощурив поросячьи глаза.

– Хочу сказать ему спасибо, – Лена прижимала к груди дочь и вдыхала запах дыма от её жидких волосёнок.

– Я сама передам, – сквозь зубы процедила Клавка. – Иди уже. И получше за ребёнком приглядывай.

Почувствовав неприязнь, исходившую от соседки, Лена вышла на улицу. Что это с Клавой? Почему вела себя так, будто Лена пришла денег занять, а прошлый долг не вернула? Лена медленно переставляла ноги и думала то о нервной соседке, то о психованной свекрови. Дал же бог родственничков, что и представить тошно: мать, отец, отчим, свекровь – все, как на подбор; злые, голосистые, завистливые и слишком характерные. Прижимая засыпающую дочь, Лена подходила к калитке и жутко боялась войти в дом, зная, что там, в шкафу, копошится Александра Константиновна. Сейчас увидит её, а та что-нибудь ляпнет, да ещё и проклятий

нашлёт. Давно бы утопилась, да Катьку не бросишь. Кому нужна чужая девчонка, если только родной матери...

– Как же я устала, – прошептала Лена сквозь слёзы. – Никто меня не любит, никто не уважает. Знай себе орут, сплетничают и тыкают в лужу, как плешивого котёнка.

– Чего встала? – из окна выглянула свекровь. – Иди, помогай! Я что ли буду твоё тряпье выбирать? Здесь вся одежда провоняла! Тащи свои кости и перебирай: что с собой возьмёшь, а что выкинешь! Девку на землю опусти, большая уже, чтобы на руках таскать! У-у, чувырла! – помахала кулаком. – Таковую же вырастишь, как и сама – дурынду неотёсанную!

Опустив глаза на дочь, Лена открыла калитку и вошла во двор, ощутив полнейшую пустоту в груди. Почему-то именно сейчас ей стало безразлично, что будет с этим домом, выживет ли Васька, и как громко будет вопить свекровь, если Лена возьмёт и даст заднюю.

– Катя, я тебя больше жизни люблю, – прошептала Лена, тихо роняя слёзы на белобрысую макушку девочки. – Знай, кроме тебя, роднее никого нет. И помни, я желаю тебе только добра.

Поставив ребёнка на ножки, Лена вытерла слёзы, выдохнула и собралась уходить.

– Мама, – подняв голову, еле слышно прошептала Катюша, будто чувствуя, что она оставляет её на попечительство дрянной старушки.

Но Лена, зайдя за калитку, даже не обернулась. Опустив

глаза, она вышла на дорогу.

– Ты меня встречаешь? – раздался радостный женский возглас. – А я тут у вас заплуталась совсем! Пока старушку одну не встретила, и она подсказала, куда мне идти!

Подняв голову, Лена вначале улыбнулась, а затем расстроилась, увидев младшую сестру Нюру.

«Зря ты приехала», – подумала она, сглотнув комок в горле.

– А это ещё кто? – а вот и свекровушка, будто нутром чувствует, выползла на свет божий. – Ленка, ты что там ласы точишь? Быстро сумки выноси! Я уже не в том возрасте, чтобы за тобой котомки таскать! Чего стоишь? Я кому сказала? Мне надо Васеньку навестить, а ты время тянешь, как кота за причиндалы! Быстро за манатками, иначе я за себя не отвечаю!

– Свекруха что ль твоя? – с сарказмом задала вопрос Нюра. – Сразу видно, её рожа просит кирпича. А вы что, переезжаете?

– Ленка, в мозгах твоих пенка! Оглохла или прикидываешься?! – верещала Константиновна, выглядывая в открытое окно.

– Ну точно, свекруха, – хихикнула девушка и взяла сестру за руку. – Достала, да? Не переживай, я её сейчас быстро на место поставлю.

– Ты зачем приехала? – Лена смотрела как будто сквозь сестру и не верила своим глазам.

– Как зачем? А вообще... – замялась Нюра и втянула губу. – Ты знаешь, я там отчима чуть не пришибла. Короче, мне теперь жить негде.

– Как?

– Да он пристал, а мамки дома не было. Ну я и... в печке сковорода стояла. Я её схватила, размахнулась и...

– Покалечила?

– Да что с ним станет? Так. Слегка мозги на место встала. Видимо, они у него скособочились, а теперь лежат, как надо, – хихикала девушка, косясь на бабу, орущую в окне. – А чего ей надо-то? Ты с ней что ль живёшь?

– Дом внутри обгорел. Теперь придётся к свекрови переходить на несколько дней, – разочарованно произнесла Лена и обернулась.

Константиновна махала кулаком, орала, как потерпевшая, и грозила отгаскать Лену за сивые патлы, если та не вернётся и не вынесет сумки. Заметив дочь, прижавшуюся лицом к прутьям, Елена наконец пришла в себя.

– Катюша! – побежала к ребёнку, который смотрел на маму и тихонько всхлипывал.

Подхватив дочь на руки, Лена начала рьяно целовать её и приговаривать:

– Никогда тебя не брошу, солнышко ты моё. Никому тебя не отдам.

Подойдя к сестре, Нюра смотрела на племянницу с интересом. Вроде всё такая же, но что-то в ней изменилось. А вот

что – непонятно.

– Слышь, чувырла?! – высунувшись по пояс из окна, Александра заорала ещё громче. – Ну только Вася приедет, я ему всё доложу! Я всё о тебе скажу, какая ты на самом деле есть! Только муж за порог, так жёнка зубы начала его матери показывать! Вот ехидна же ты, а! В тихом омуте! Перед Васенькой кроткую овечку из себя разыгрывает, а как его рядом нет, так сразу бесовщина из тебя и лезет!

– Да закрой ты свой рот! – терпение у Нюры лопнуло. Ей в родном доме склоки между матерью и отчимом надоели, а тут ещё какая-то сморщенная квашня голосит так, что уши сворачиваются.

– А ты ещё кто такая?! – понизив тон, Константиновна вылупилась на хамоватую девицу. – Пошла вон со двора! Ты кто есть-то?

– Я-то? – поставив руки на бока, Нюра приподняла увесистую грудь. – Сестра Лены, вот кто!

– А кто тебя сюда звал? Кому ты сдалась, малахольная?! Иди подобру-поздорову! А то я за себя не отвечаю!

Обойдя вокруг ссутулившейся Лены, Нюра цокнула языком и натянула самодовольную ухмылку.

– Не пугай! Пуганая!

– Ты посмотри на неё, а! Ишь какая ехидна выискалась! Совести у тебя нет! Как ты со старшими разговариваешь, а? Мамка, что, не научила уважению? – визг свекрови стоял на всю улицу, и из своих домов повыглядывали соседи, те, что

давно на пенсии и дюже любят наблюдать за ссорами со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.